ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

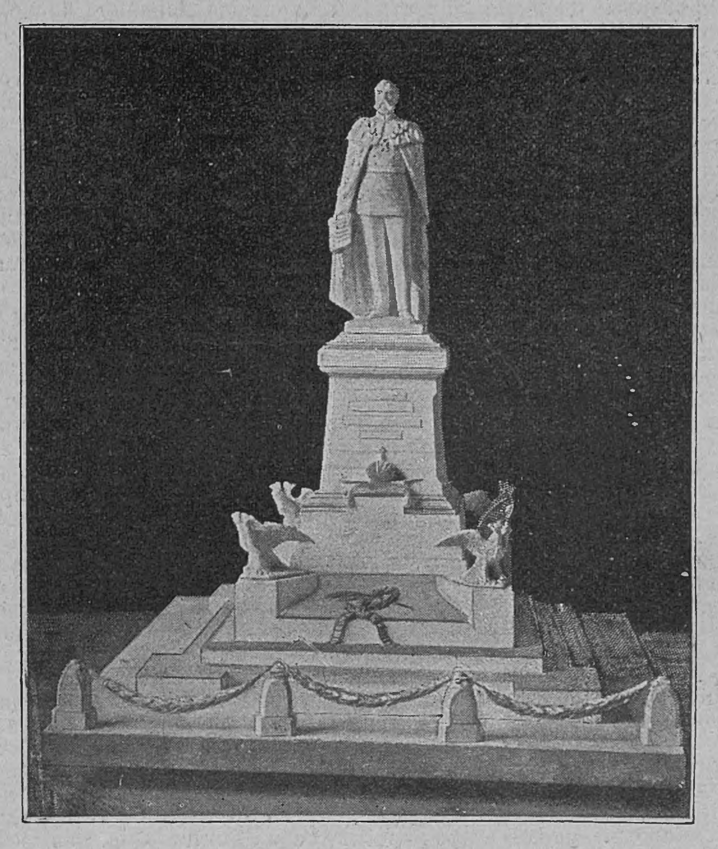
№ 22 Пятница, 7 (20) іюня 1902 г. № 22

„Монна Ванна".

Апостолъ символизма Морисъ Метерлинкъ торжественнымъ актомъ отрекся отъ своихъ недавнихъ еще увлеченій, и „сжегъ все, чему поклонялся". Въ своей послѣдней книгѣ „Le temple enseveli" (Разрушенный храмъ), онъ уже призналъ, что символическая драма не можетъ занять мѣста на современной сценѣ. „Зачѣмъ,—спрашиваетъ поэтъ,—выводить на подмостки высшія таинственныя силы, какъ двигателей человѣческихъ страстей, если никто не вѣритъ ни въ ихъ мощь, ни въ таинственность?.. Настало время признать, что символъ пригоденъ лишь изрѣдка, чтобы облечь признанную истину или такую, которой мы не хотимъ еще взглянуть въ глаза: но когда пробьетъ часъ познанія самой истины, символъ долженъ исчезнуть". Эти, хотя и несовсѣмъ ясныя возраженія, въ связи съ новой пьесой Метерлинка, которой мы посвящаемъ нашу замѣтку, являются несомнѣнными показателями рѣзко измѣненнаго „курса" въ міровоззрѣніи поэта. Прежніе кумиры разбиты; слово стало дѣломъ, и Метерлинкъ создалъ произведеніе, объединяющее, судя по отзывамъ западной печати, истинную поэзію съ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ.

„Монна Ванна" — не драма и не трагедія; она названа авторомъ просто пьесой. Собственно говоря, это драма въ стилѣ Возрожденія: одинъ заголовокъ ея отзывается XV вѣкомъ, и не трудно догадаться, какія впечатлѣнія вдохновляли поэта. Быть можетъ, ему случилось стоять и передъ „Монной Лизой" Ліонардо да-Винчи и думать о томъ, что загадка скрыта въ той дѣвственной груди, подъ бархатными рѣсницами, закрывающими глаза. Какъ бы то ни было, безъ погони за настроеніями, Метерлинкъ вывелъ въ своей пьесѣ живыхъ людей, которые дышутъ здоровыми легкими и ходятъ, какъ и всѣ мы, по землѣ... Драма смотрится съ неослабѣвающимъ интересомъ. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе.

Передъ зрителемъ развертывается картина конца пятнадцатаго вѣка. Пизу осаждаютъ флорентинцы. Гвидо Колонна, командующій пизанской крѣпостью, видитъ совершенное истощеніе своихъ войскъ: нѣтъ ни припасовъ, ни снарядовъ. Голодъ грознымъ призракомъ показывается невдалекѣ. Еще одинъ приступъ, и городъ принужденъ будетъ сдаться.

Проектъ памятника Императору Александру II въ Нижнемъ-Новгородѣ художника А. Курпатова.
Проектъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія 17 января 1902 г.

Къ пребыванію князя Фердинанда Болгарскаго въ Россіи.—Князь Фердинандъ со свитой у Царской пристани на Англійской набережной въ С.-Петербургѣ.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей"

Чтобы найти выходъ изъ этого ужаснаго положенія и выиграть время, Гвидо посылаетъ своего отца, Марко, къ Принцивалле, предводителю флорентинцевъ, и поручаетъ ему начать переговоры о мирѣ. Старикъ возвращается, исполнивъ эту миссію, и на лицѣ его можно прочесть радость и смущеніе. Очевидно, онъ принесъ добрую вѣсть, но не рѣшается ее сообщить. Марко пріятно разочаровался въ Принцивалле. Онъ думалъ увидѣть дикаго солдата, кондотьера, жаднаго до крови, а нашелъ человѣка тонкаго образованія, съ идеями Платона—дѣло происходитъ въ расцвѣтъ гуманизма, — гуманиста, сохранившаго чистоту души и ума; война ему вообще противна. Но у этого гуманиста оказываются странныя причуды: онъ готовъ мириться и еще въ ту же ночь осада будетъ снята и въ городъ навезены съѣстные припасы, подъ условіемъ, чтобы ему выдали на одну ночь красавицу Джіованну, жену Гвидо Колонна, предводителя пизанскихъ войскъ! Гвидо внѣ себя отъ негодованія. Какъ! его Ванна, первая по красотѣ женщина въ Италіи, и не только по красотѣ, но и по добродѣтели, предъ которой смолкаетъ самая наглая рѣчь и стыдливо опускается чувственный взоръ, она—вокругъ которой воздухъ пропитанъ невинностью—станетъ жертвой кондотьера! Никогда! Но старый Марко напоминаетъ ему о согражданахъ. „Повѣрь,— говоритъ онъ сыну,—нѣтъ ничего выше спасенія человѣческой жизни и въ сравненіи съ этимъ всѣ добродѣтели, идеалы, честь и вѣрность кажутся дѣтскими побрякушками.

Старикъ передалъ уже отвѣтъ Принцивалле синьоріи, и послѣдняя ждетъ, что скажетъ Джіованна: въ ея рукахъ участь всего города. Гвидо увѣренъ въ томъ, что жена раздѣлитъ его образъ мыслей, и спокоенъ. Но вотъ показывается Джіованна въ сопровожденіи томящихся въ тоскѣ согражданъ; она блѣдна, но рѣшительна—какъ воплощенное самопожертвованіе, живая жертва на алтарь блага ближнихъ. Въ ея устахъ приговоръ тысячамъ, и беззвучно роняютъ эти уста: „Я иду туда“. И она идетъ; ей вслѣдъ несется проклятіе мужа и благословеніе измученнаго народа.

„Въ современной драматической литературѣ,—пишетъ объ этой сценѣ одинъ изъ западныхъ критиковъ, — не много найдется актовъ, проникнутыхъ такой потрясающей силой. Художникъ вдохновился этой мыслію и мастеръ пера осуществилъ ее съ удивительной вѣрностью, преодолѣвъ многочисленныя трудности“.

Второй актъ происходитъ въ палаткѣ Принцивалле. Тривульціо, посолъ изъ Флоренціи, превосходно выписанная фигура въ жанрѣ Маккіавелли, вручаетъ кондотьеру приказъ въ послѣдній разъ идти на приступъ: нужно уничтожить Пизу. Но Принцивалле не хочетъ уже повиноваться приказаніямъ флорентинскаго правительства: онъ думаетъ о томъ, какъ бы спасти Пизу, чтобы получить цѣнную награду. Придетъ ли та, которую онъ ждетъ? Завѣса откидывается, и она входитъ: „одна и въ одномъ лишь плащѣ“, ни яда, ни кинжала не таитъ она при себѣ, такъ какъ не хочетъ быть Юдифью для итальянскаго Олоферна; покорная жертва, она идетъ лишь на честную сдѣлку. Что же? кидается ли озвѣрѣвшій человѣкъ на свою добычу; о ней вѣдь онъ такъ мечталъ! Нѣтъ; въ немъ совершилось чудо: звѣрь смолкъ, и побѣжденный человѣкъ, съ тихимъ стономъ „Джіованна!“ падаетъ ницъ предъ героиней. Джіованна и Принцивалле, оказывается, знаютъ другъ друга: въ Венеціи еще, восьмилѣтняя дочка патриція играла съ мальчикомъ, немного старше ея. Въ его душѣ сохранилась чистая любовь къ подругѣ дѣтства, а она, хотя и стала женой другого, не позабыла красавчика Джіанелло. Неожиданная встрѣча—и романтическій эпизодъ готовъ: правда, по пьесѣ онъ естественъ и понятенъ зрителю; въ палаткѣ вождя суровыхъ воиновъ благоухаютъ цвѣты любви. „Я увидѣлъ тебя, и понялъ, что *это* невозможно“,—говоритъ Принцивалле, объясняя свое странное требованіе. Ночь незамѣтно бѣжитъ среди трогательныхъ воспоминаній: поцѣлуй, который Джіованна по доброй волѣ запечатлѣваетъ на лбу Принцивалле, единственная ему награда за спасеніе города, обильно снабженнаго уже пищей и водой. Когда Джіованна возвращается (третій актъ), всюду пылаютъ праздничные огни, восторженная толпа окружаетъ героиню, и осыпаетъ ее восхваленіями, а старый Марко вдохновенно объявляетъ, что она „прекраснѣе Юдифи, чище Лукреціи“ и вѣнчаетъ ее цвѣтами.

Одинъ лишь Гвидо, угрюмый, остается въ сторонѣ. Онъ видитъ, что жена пришла въ сопровожденіи мужчины, укутаннаго въ плащѣ; онъ срываетъ маску съ незнакомца и узнаетъ: Принцивалле! Тогда ему приходитъ мысль, что Джіованна, изъ жажды мести насильнику, притворилась сиреной и завлекла его въ руки мужа. О, не будетъ такой пытки, какой не узнаетъ негодяй! Но Джіованна кидается между врагами: неправда. Принцивалле не тронулъ ея чести, и въ награду за это она обѣщала ему гостепріимство пизанцевъ, такъ какъ кондотьера ищутъ флорентинцы, обвиняя его въ государственной измѣнѣ. Молчаніе. Невѣроятному нельзя и повѣрить. Гвидо повѣрилъ бы злой баснѣ, если бы она была „на половину вѣрна природѣ человѣка“. Почему Принцивалле ее пощадилъ? „Потому что онъ меня любитъ“. Тутъ впервые ярость овладѣваетъ Гвидо. Но Джіованна прибѣгаетъ ко лжи, разъ правда не помогаетъ ей: да, онъ ее обезчестилъ, она не смѣла противиться, но зато и завлекла его съ собой въ Пизу, чтобы отомстить на славу; жизнь кондотьера принадлежитъ ей; никто не смѣетъ лишить ее наслажденія самой отомстить за себя. Она передаетъ узника Марко. Старикъ понялъ Джіованну; въ ея голосѣ и взорѣ мудрецъ сумѣлъ угадать истину. Онъ уводитъ прочь скованнаго Принцивалле, но намъ не трудно догадаться, по беззвучнымъ репликамъ, которыми обмѣниваются Джіованна и Марко, что еще не взойдетъ заря слѣдующаго дня, какъ героиня спасетъ, при помощи старика, своего друга дѣтства, и... убѣжитъ вмѣстѣ съ нимъ. Люди не повѣрили ни ея невинности, ни его благородству; пусть же она раздѣлитъ его судьбу, если люди принуждаютъ ихъ обоихъ къ взаимному грѣху.

Такова пьеса Метерлинка. Въ ней чувствуется біеніе пульса и дрожь живыхъ мускуловъ; отъ нея вѣетъ настоящей жизнію, несмотря на то, что сюжетъ, самъ по себѣ, вопіющій анахронизмъ. Какъ драма, новое произведеніе даетъ много простора таланту исполнителей. Монна Ванна - величественная фигура, лишь по внѣшнему облику напоминающая Юдифь; на самомъ дѣлѣ, она чужда патріотизма; въ ней говоритъ одна человѣчность, стремленіе принять на себя грѣхъ за другихъ, и она дѣйствительно страдаетъ за другихъ.

Наша атмосфера.

Въ одномъ изъ своихъ меланхолическихъ сонетовъ Мюссэ сѣтуетъ на то, что человѣкъ умираетъ не одинъ разъ, а непрерывно, смерть каждаго близкаго--отца, друга, любимой женщины отрываетъ часть нашего „я“, и всякая новая разлука—новая смерть. Верне выражается такъ: „Каждое біеніе сердца причиняетъ намъ рану, а жизнь—вѣчное истеканіе кровью“. Эти поэтическія сентенціи находятъ полное подтвержденіе въ опытахъ физіологовъ и химиковъ. Дыханіе выдѣляетъ множество частицъ изъ тканей нашего тѣла въ видѣ азота; обмѣнъ веществъ въ нашемъ организмѣ есть въ сущности частичная смерть, и жизнь человѣка—безостановочное умираніе частицъ.

То, что мы вдыхаемъ, возвращается нами атмосферѣ, и наше бытіе сводится къ непрерывному обмѣну съ необъятнымъ атмосфернымъ океаномъ, который насъ окружаетъ; отъ его свойствъ и силы возрожденія зависитъ наше существованіе. Удивительно и ужасно: отъ малѣйшихъ измѣненій въ соотношеніи азота и кислорода атмосферы можетъ быть потрясена жизнь человѣчества съ ея многовѣковой культурой, оплаченной столькими страданіями. Сколько важныхъ вопросовъ представляетъ эта область знаній! Многіе изъ нихъ разрѣшены лишь въ послѣднія десятилѣтія нашей эпохи.

Въ 1774 г. священникъ Пристлей утверждалъ, что открытый имъ кислородъ не что иное, какъ жизненный воздухъ. Онъ смѣло рисовалъ картину близкаго будущаго, когда этотъ воздухъ станутъ изготовлять химики, какъ предметъ гигіенической роскоши. Но мечта Пристлея осуществилась лишь черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ; съ большимъ трудомъ удалось обставить добываніе кислорода такъ, чтобы этотъ продуктъ былъ общедоступенъ по цѣнѣ. Немаловажную услугу оказалъ химикамъ аппаратъ Линде, который мы описывали такъ подробно въ одномъ изъ прошлыхъ нумеровъ нашего журнала.

Всякое живое существо, какъ бы оно ни было ничтожно, владѣетъ цѣлымъ сокровищемъ кислорода, такъ какъ этотъ газъ составляетъ приблизительно одну пятую часть всей атмосферы; но владѣетъ только тогда, когда это существо находится въ открытомъ пространствѣ, потому что закрытое помѣщеніе всегда почти бѣдно кислородомъ. Возникаетъ вопросъ: откуда въ атмосферѣ кислородъ; несмотря на постоянное поглощеніе его всѣми животными организмами, хватитъ ли его до тѣхъ поръ, пока не погаснетъ солнце и земля замретъ среди ледяной ночи? Мы знаемъ, что человѣкъ и животное, и въ особенности первый, для своихъ промышленныхъ цѣлей потребляютъ около 1,314 милліоновъ тоннъ (тонна=60 пудовъ) кислорода ежегодно и превращаютъ его въ углекислоту. Не надо ли опасаться, что воздухъ по мѣрѣ сгоранія кислорода станетъ все болѣе насыщаться углекислотой и сдѣлается, наконецъ, не пригоднымъ для дыханія?

Намъ не зачѣмъ ждать слишкомъ долго, чтобы очутиться въ этомъ критическомъ положеніи. Обѣднѣніе воздуха кислородомъ, хотя бы на нѣсколько процентовъ, на какую-нибудь сотую часть его, сдѣлаетъ невыносимымъ наше существованіе. Это испытывается иногда и теперь, когда люди и животныя скучатся въ несоразмѣрно маломъ помѣщеніи. Но мы можемъ утѣшаться тѣмъ, что наша атмосфера содержитъ тысячи билліоновъ тоннъ кислорода. Другими словами, если бы мы положили всю эту массу благодѣтельнаго газа на одну чашку вѣсовъ, то на другую пришлось бы положить почти половину земного шара. Только вода одна представляетъ восемь девятыхъ кислорода. Но какъ замѣнить въ воздухѣ перегорѣвшій кислородъ свѣжимъ? Какими путями проникаетъ онъ изъ своихъ источниковъ въ атмосферу? И этотъ возстановленный составъ кислорода достаточенъ ли по нашему бюджету или изъ года въ годъ возрастаетъ дефицитъ?

Мы видимъ, что мѣсто использованнаго нами кислорода заполняется отдѣленнымъ изъ нашихъ организмовъ ядовитымъ углекислымъ газомъ. Ничтожный процентъ его способенъ насъ

умертвить. Мы выдыхаемъ въ сто разъ больше углекислоты, чѣмъ вдохнули кислорода. Конечно, различные организмы предъявляютъ къ атмосферѣ и различныя требованія: мужская особь потребляетъ больше воздуха, чѣмъ женская; взрослое животное въ періодѣ полной зрѣлости силъ больше, чѣмъ молодое или старое; сильные организмы больше слабыхъ; движенія, гимнастика, солнечный свѣтъ, хорошее питаніе увеличиваютъ потребленіе. Напротивъ, покой, темнота и упадокъ жизненныхъ функцій сокращаютъ его. Въ теченіе сутокъ волъ выдѣляетъ отъ 3—7 граммъ углекислоты; индюкъ или курица 20 граммъ, цыпленокъ 56, а жизнерадостный неутомимоподвижный воробей 60 граммъ. Съ другой стороны, если принять Парижъ за одинъ огромный организмъ, то окажется, что онъ въ теченіе сутокъ выдыхаетъ по крайней мѣрѣ полмилліона куб. мет. углекислоты. Нѣкоторые вулканы, напр. Котопакси, превзойдутъ въ этомъ отношеніи и міровую столицу. А наши фабричныя трубы! Однѣ только угольныя печи Европы выдыхаютъ 80 милліардовъ куб. мет. кислоты. Въ общемъ земной шаръ долженъ былъ бы обогащать окружающую его атмосферу 2½ билліонами куб. мет. ежегодно, и если бы съ какой-нибудь звѣзды млечнаго пути стали бы изслѣдовать нашу планету въ спектроскопъ, то она произвела бы впечатлѣніе колоссальной ячейки, вращающейся среди испареній, составъ которыхъ непрерывно измѣняется вслѣдствіе разжиженія.

По изслѣдованію Петенкофера содержаніе углекислоты въ больничномъ помѣщеніи возрастаетъ до ²/₁₀₀, въ класной комнатѣ до 7,2 тысячныхъ; а въ тѣхъ альпійскихъ хлѣвахъ, гдѣ люди и животныя тѣснятся другъ около друга, чтобы не замерзнуть, оно достигаетъ 21. Но есть точный предѣлъ: помѣщеніе, въ которомъ болѣе четырехъ процентовъ углекислоты и менѣе шестнадцати процентовъ кислорода, невозможно для существованія животнаго организма.

Извѣстно, что самоубійцы часто прибѣгаютъ къ самоудушенію посредствомъ жаровни съ угольями; смерти предшествуетъ состояніе глубокой безсознательности. И если ихъ покушеніе не удается, то они еще долго сохраняютъ въ крови тяжкіе слѣды отравленія углекислотой.

Воздухъ, содержащій одну сотую углекислоты, вызываетъ вредные процессы въ организмѣ, а при десяти процентахъ ея жизнь человѣка подвергается опасности. То состояніе безчувствія, о которомъ мы говорили выше, должно, повидимому, быть очень благопріятно для мѣстной анестезіи. Еще Плиній разсказывалъ о томъ, что мраморъ, смѣшанный съ уксусомъ, дѣлалъ безбольными хирургическія операціи, если оперируемыя части покрывали этой смѣсью.

Но чѣмъ объяснить, что процентъ углекислоты въ нашей атмосферѣ остается неизмѣннымъ и ничтожнымъ сравнительно съ колоссальнымъ ея производствомъ?

Три фабрики заняты уничтоженіемъ углекислоты: растительный міръ, животныя, море. Извѣстно, что растительный міръ только и живетъ углекислотой. Хлорофилъ зеленыхъ листьевъ при помощи солнечныхъ лучей разлагаетъ углекислоту на ея составныя части, углеродомъ питаются вѣтви и стебли, а кислородъ возвращается атмосферѣ. По вычисленію Анри де-Вариньи 41 милліонъ гектаровъ пахотной земли во Франціи извлекаетъ изъ атмосферы, по крайней мѣрѣ, 60 милліоновъ тоннъ угля. Такимъ образомъ, въ воздушныхъ слояхъ носятся невидимыя угольныя шахты.

Тѣ газы, которые, повидимому, должны были нести одну смерть, на самомъ дѣлѣ, подчиняясь законамъ цѣлесообразной природы, являются источниками силы и процвѣтанія.

Затѣмъ существуютъ животныя, оболочка которыхъ образуется изъ извести и углекислоты: таковы всѣ живыя сокровища морского берега, улитки, кораллы, всѣ морскія, какъ и материковыя животныя. Известковыя скалы, большей частью образовавшіяся изъ наслоенія остатковъ животныхъ организмовъ, занимаютъ такую огромную площадь, что содержатъ въ шесть разъ больше угля, чѣмъ атмосфера. Еслибъ удалось химическимъ путемъ освободить содержащуюся въ этихъ скалахъ углекислоту и возвратить ее воздуху, то она представила бы такой огромный вѣсъ, что нижніе слои подъ чудовищнымъ давленіемъ верхнихъ обратились бы въ жидкое, а пожалуй, и въ твердое состояніе.

Также и море, въ вѣчномъ движеніи своихъ волнъ, отвлекаетъ значительную часть углекислоты отъ атмосферы и возвращаетъ взятое подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ условій. Такъ что надъ обширной поверхностью океана безпрестанно, хотя и невидимо, происходитъ приливъ и отливъ газовъ. Море дышитъ. Значитъ, мы можемъ успокоиться: въ извѣстной степени море регулируетъ составъ углекислоты въ атмосферѣ.

Но и кислородъ, этотъ жизненный газъ, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ принести вредъ. Хотя и благодѣтельный элементъ онъ, въ то же время и сильный ядъ, какъ для мельчайшей клѣточки, такъ и для всего организма. Изъ легкихъ кислородъ вмѣстѣ съ кровью проникаетъ въ тѣло. Въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ заключается гемоглобинъ, распространяющій кислородъ по всѣмъ тканямъ органовъ, гдѣ совершается сгораніе, которое мы называемъ жизненнымъ процессомъ. Слѣдовательно, каждая клѣточка человѣческаго организма, какъ и у животныхъ, есть не что иное, какъ печь, или животная силомашина. Но содержаніе кислорода въ крови имѣетъ свою точную мѣру и коль скоро эта мѣра превзойдена и кровь насыщена больше обыкновеннаго на одну треть, газъ обращается въ жидкость и проникаетъ въ ткань, какъ элементъ разрушенія. Кислородъ, свободный отъ гемоглобина, вреденъ. Можно думать, что природа при образованіи перваго жизненнаго зародыша съ математической точностью взвѣсила всѣ условія его жизнеспособности.

Такая точность служитъ однимъ изъ доказательствъ того, что жизненныя формы зарождались постепенно и развивались въ строгомъ соотвѣтствіи съ землей и атмосферой. Эти формы стали таковы, каковы онѣ нынѣ, не потому, что природа хотѣла ихъ создать такими, а потому, что она не могло быть другихъ путей развитія.

Наша жизнь въ строгомъ смыслѣ стоитъ въ прямой зависимости отъ малѣйшихъ измѣненій въ составѣ атмосфернаго воздуха.

Послѣ кислорода на второмъ мѣстѣ стоитъ азотъ. Онъ составляетъ четыре пятыхъ атмосферы и, не служа непосредственно животнымъ организмамъ, индеферентенъ. Тѣмъ не менѣе эти организмы въ немъ нуждаются и воспринимаютъ его, хотя и косвеннымъ путемъ, посредствомъ растеній. Растенія же, въ свою очередь, черпаютъ азотъ изъ азотнокислой соли, содержащейся въ землѣ, при посредствѣ извѣстныхъ микробовъ.

Овощи, корнямъ которыхъ искусственно привиты бациллы, прекрасно культивируются, такъ какъ эти бациллы—члены того великаго царства микроскопическихъ носителей болѣзни, зародыши броженія и другихъ важныхъ процессовъ — облегчаютъ доступъ азота къ этимъ овощамъ. Въ свою очередь, азотнокислая соль насыщается атмосфернымъ азотомъ.

Если мы внимательно всмотримся въ окружающую насъ природу, то увидимъ, что растенія живутъ воздухомъ и землей, а человѣкъ и животное — растеніями. Такъ тянется цѣпь явленій мертвой природы, повидимому, бездушной атмосферы къ высшему живому организму: человѣкъ есть конденсированный воздухъ. Мирріады существъ, существовавшихъ отъ вѣка, выдыхали себя въ атмосферу и вновь воспринимали отъ нея новыя вещества и образовывали переходящую стадію для того океана газовъ, который волнуется вокругъ насъ; въ немъ и сегодня живемъ мы тѣми элементами, которыми существовали прежде безчисленные организмы. Какая-нибудь часть кислорода или углекислоты, вчера еще бывшая цвѣткомъ или плодомъ, сегодня мускулъ въ тѣлѣ животнаго, а завтра, быть можетъ, нервное сплетеніе въ мозгѣ великаго мыслителя. Это непрерывный токъ бытія и небытія, радости и горя, чувствъ и помысловъ безъ начала и безъ конца, токъ жизни, непрерывный обмѣнъ, источникъ роста и питанія.

Вотъ почему справедливы слова Вариньи: „Этотъ воздухъ, который такъ нѣжно обвѣваетъ наше лицо, представляетъ жизнь всего прошлаго. Это мирріады существъ, жившихъ раньше насъ.. Такъ будетъ и далѣе до тѣхъ поръ, пока окаменѣвшая земля не превратится въ гигантскій гробъ, который въ своей ужасной пустынности будетъ продолжать вращеніе въ неизмѣримой глубинѣ погасшихъ небесъ“.

Въ американской школѣ.

Посѣтитель американской городской школы, обыкновенно, приглашается ректоромъ ея въ общій залъ. Къ нему ведетъ парадная лѣстница; потомъ посѣтитель не безъ удивленія видитъ передъ собой узкій корридоръ, а въ концѣ его нѣчто вродѣ кафедры, на которой лежитъ Библія. Около кафедры цѣлый рядъ кнопокъ и выключателей, при помощи которыхъ ректоръ можетъ спестись съ любымъ классомъ. Тутъ же стоитъ изящный рояль и на задней стѣнѣ коллекція портретовъ знаменитыхъ американскихъ дѣятелей. Но вотъ начальникъ далъ звонокъ, и, словно по мановенію жезла чародѣя, боковыя деревянныя стѣнки безшумно раздвинулись; взору зрителя представилась огромная зала, вся наполненная свѣтомъ, воздухомъ и толпою веселыхъ ребятишекъ, снующихъ между скамьями.

Цѣны на земли въ Нью-Іоркѣ очень высоки; поэтому, далеко не каждая школа можетъ имѣть большую залу отдѣльно отъ классовъ, тѣмъ болѣе, что она очень часто пустуетъ. Американцы придумали остроумный исходъ, соединивъ восемь классныхъ комнатъ въ одинъ залъ. По утрамъ въ немъ происходитъ общая молитва мальчиковъ и дѣвочекъ и нѣсколько разъ въ недѣлю уроки гимнастики, сопровождаемые музыкой. Въ каждомъ школьномъ гимнастическомъ залѣ въ Нью-Іоркѣ есть рояль, и подъ звуки его ученики расходятся по классамъ послѣ молитвы или въ опредѣленные часы продѣлываютъ гимнастическіе пріемы, ручные, ножные и общіе, пріучаясь къ гармоническому сочетанію тѣлодвиженій.

Отдѣльныя классныя помѣщенія пріятно поражаютъ посѣтителя своей уютностью. Это не наши угрюмыя комнаты, окрашенныя унылой сѣрой краской и пропитанныя по утрамъ сырымъ запахомъ дешеваго курева. Американскіе педагоги справедливо полагаютъ, что помѣщеніе, въ которомъ ребенокъ проводитъ добрую половину дня, должно быть обставлено съ возможно большимъ ком-

Къ коронаціи Эдуарда VII. — Король Эдуардъ VII и королева Александра въ коронаціонномъ одѣяніи.
Съ картины Альфреда Гейварда.

Памятникъ королю Гумберту, воздвигнутый на горѣ Суперба, близъ Турина.

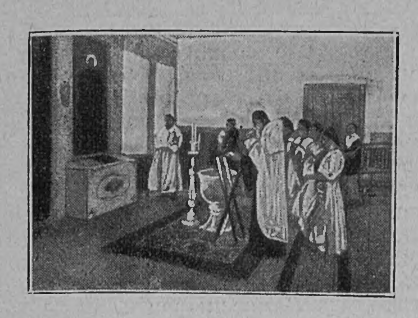
фортомъ и изяществомъ. Въ американской школѣ вы не найдете на ней традиціонной и неуклюжей черной доски: часть стѣны предназначена замѣнять ее. Кругомъ висятъ портреты, гравюры, интересныя карты, исполненіе которыхъ заслуживаетъ полной похвалы. Иногда стѣны бываютъ расписаны учителями рисованія и наиболѣе успѣвающими въ живописи учениками.

Насколько можно судить по общему характеру преподаванія въ американскихъ городскихъ школахъ, въ нихъ удѣляется значительное вниманіе пріученію дѣтей къ обхожденію въ обществѣ, и эту сторону преподаванія нельзя не одобрить, такъ какъ внѣшнія формы въ культурномъ обществѣ имѣютъ свое серьезное значеніе. Но больше всего можетъ понравиться иностранцу тонъ преподаванія въ нью-іоркской школѣ: простой и веселый, не чуждый здороваго юмора; нѣтъ излишней педантичности, ни чрезмѣрныхъ поблажекъ: маленькій янки не младенецъ и не рабъ, онъ будущій гражданинъ, которому ничто американское, даже президентское кресло, не должно быть чуждо.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ считается ариѳметика и вообще математика. Вычисленіе, дѣйствительно, необходимо въ практической жизни янки, — притомъ вычисленіе скорое и безошибочное. Но и математику стараются облечь въ возможно болѣе живыя, наглядныя формы, избѣгая сухихъ отвлеченностей. Рядомъ съ этимъ предметомъ идетъ рисованіе. Учащихся пріучаютъ представлять въ разрѣзѣ всякіе предметы, какіе обратятъ ихъ вниманіе; чертить точно и красиво; иногда писать красками... Что

На Лондонскомъ докѣ. — Переселенцы изъ Россіи, направляющіеся въ Америку.

Крещеніе дѣтей въ Воспитательномъ домѣ.

ни говорите, а такія и подобныя знанія очень облегчаютъ жизненную борьбу.

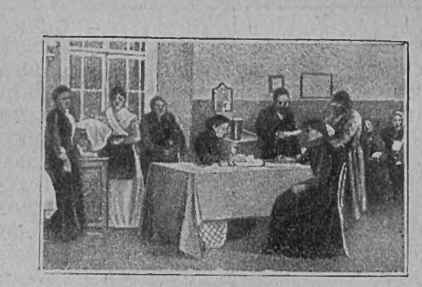
Вновь отстроенныя въ Нью-Іоркѣ школы плѣняютъ своей роскошью. Вотъ, напр., школа на 109 улицѣ; она обслуживаетъ рабочій кварталъ, а между тѣмъ далеко оставляетъ за собою даже стокгольмскія школы, почитаемыя образцовыми.

„Возможно больше свѣта, возможно меньше стѣнъ" — вотъ принципъ, которымъ руководствовались строители этого зданія въ стилѣ Ренесансъ; оно чуть-ли не сплошь состоитъ изъ оконъ. Помѣщается оно не на углу, а посреди 109-й улицы; угловыя мѣста и непомѣрно дороги, и слишкомъ шумны. Воздуху и свѣта, дѣйствительно, всюду въ изобиліи; искусственное освѣщеніе — электрическое, отопленіе — паровое. Рисовальнымъ и рукодѣльнымъ классамъ отведенъ высшій этажъ, такъ, что эти классы получаютъ еще свѣтъ сверху. Въ нижнемъ этажѣ большая зала съ раздвижными стѣнами предоставляетъ просторъ для игръ, когда ненастная погода загоняетъ дѣтей въ комнаты. Лѣстницы короткія съ частыми площадками, чтобы предохранить дѣтей отъ паденія; перила въ два ряда: пониже для малышей, повыше — для взрослыхъ. Близъ входа — комната врача. Каждое утро онъ пропускаетъ мимо себя дѣтей и тѣхъ, у кого видъ нездоровый, отправляетъ домой или въ больницу. Вдоль корридоровъ расположены вѣшалки для платья, прикрываемыя рѣшетками; ихъ устройство таково, что воздухъ можетъ свободно проходить, провѣтривая и высушивая платье. Дѣвочки имѣютъ въ нижнемъ этажѣ еще и кухоньку, съ автоматическимъ котломъ и всяческими удобствами. Маленькія поварихи приглашаютъ на скромныя пиршества подругъ изъ другихъ школъ и угощаютъ ихъ своей стряпней. Ремесла

Группа кормилицъ Воспитательнаго дома.
Величайшій благотворительный пріютъ въ Европѣ.

преподаются в городской школѣ не въ видѣ спеціальнаго предмета, а для пополненія общаго образованія. Такъ, въ плотницкой можно видѣть прекрасную коллекцію породъ деревъ, водящихся въ Америкѣ, и плотникъ-ученикъ одновременно изучаетъ на практикѣ и ботанику. Библіотека, предназначенная, главнымъ образомъ, для учителей, обставлена очень полно и удобно.

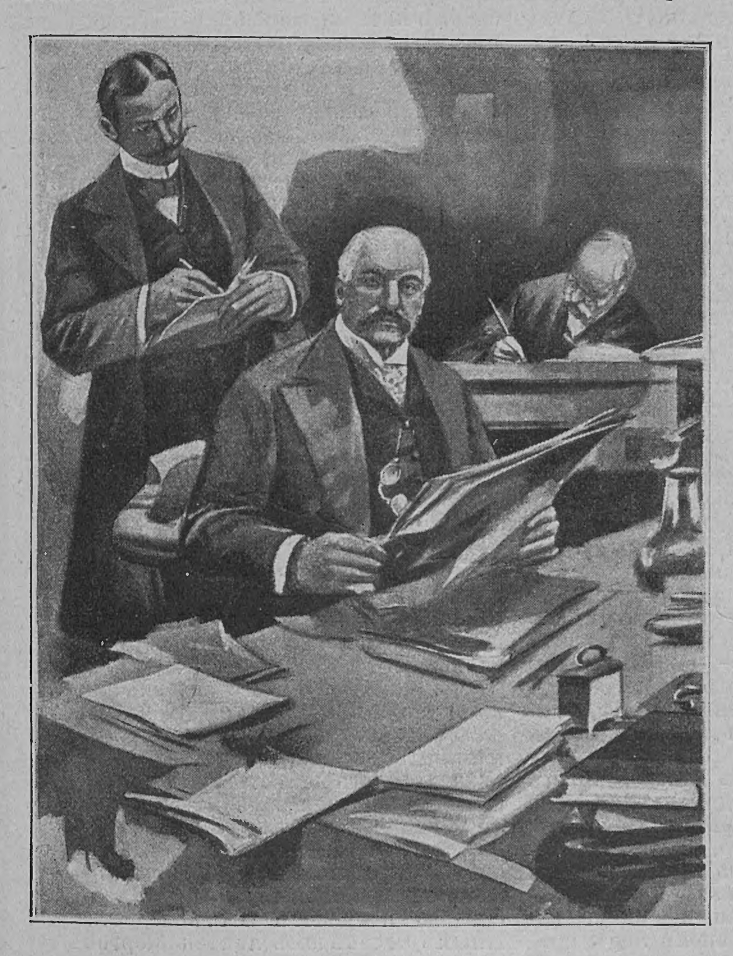
Пріемъ и регистрація дѣтей.

Широкъ бюджетъ нью-іоркской школы. Намъ покажется онъ сказочнымъ. Одно только зданіе школы на 109 улицѣ вмѣстѣ съ землей и внутренней отдѣлкой обошлось въ милліонъ рублей! Въ немъ мѣсто разсчитано на 2,400 дѣтей! Счастлива страна, гдѣ на народное образованіе тратятся такія суммы.

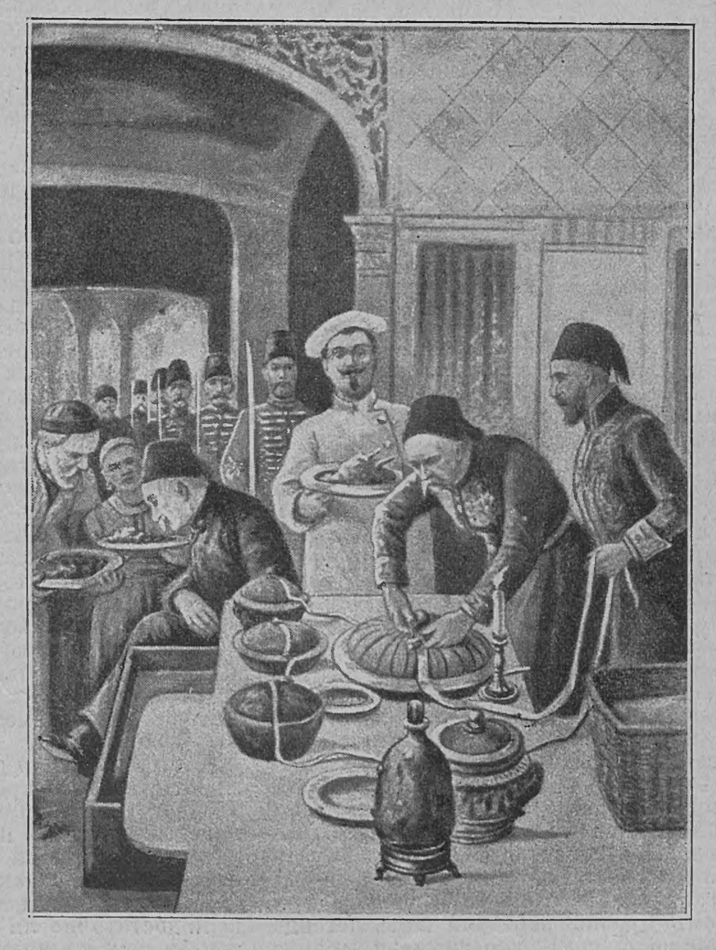
Величайшій благотворительный пріютъ въ Европѣ.

1 сентября 1763 г. Екатерина II повелѣла открыть воспитательный домъ въ Москвѣ. Уже въ апрѣлѣ 1764 года воля императрицы была исполнена. Съ тѣхъ поръ учрежденіе все расширялось, и въ настоящее время Москва можетъ гордиться тѣмъ, что ея воспитательный домъ превосходитъ по размѣрамъ все, что создано въ этомъ родѣ въ Европѣ. Уже въ первый годъ существованія было отдано на воспи-

Морганъ за работой въ своемъ кабинетѣ.

(Къ статьѣ на стр. 174).

На султанской кухнѣ.

Особые чиновники накладываютъ печати на блюда, изготовляемыя для султана.

танiе 523 ребенка. Теперь ежегодная запись достигаетъ 25,000. Въ началѣ принимались всѣ дѣти безъ различiя ихъ происхожденiя, но такъ какъ это повело къ злоупотребленiямъ, то позже былъ изданъ законъ, по которому въ московскiй воспитательный домъ принимались лишь сироты и незаконнорожденные. Въ послѣднемъ случаѣ имя матери сохраняется въ тайнѣ. Наши рисунки показываютъ нѣсколько моментовъ изъ повседневной жизни этого благодѣтельнаго учрежденiя. Съ девяти часовъ утра и до вечера происходитъ прiемъ: все блѣдныя, унылыя лица, съ печатью нужды и болѣзней! Представляется метрика; ребенку вѣшаютъ на шею нумерокъ и отправляютъ его въ баню. Подъ нумеромъ такимъ-то онъ проживетъ много лѣтъ. Въ девятнадцати огромныхъ залахъ питомцы собраны въ одну семью съ мамками, и тамъ они проводятъ первые, самые опасные мѣсяцы своей жизни. Если мать здоровая женщина, ей вмѣняется въ обязанность самой кормить ребенка. Въ этомъ случаѣ ей даютъ средства къ существованiю, какъ и наемнымъ кормилицамъ. Ребята спеленены такъ, что ихъ маленькiя тѣла не испытываютъ давленiя отъ всякихъ ненужныхъ лентъ и шнурковъ—примѣръ, достойный подражанiя. Некрещенныхъ дѣтей крестятъ въ особомъ церковномъ залѣ.

Больничное отдѣленiе устроено прекрасно. Такъ какъ нѣтъ возможности, несмотря на обширность учрежденiя, удѣлять мѣсто всѣмъ питомцамъ, то послѣ перiода кормленiя ихъ отсылаютъ въ деревни, къ прiемнымъ матерямъ. Около 1,500 такихъ дѣтей ежегодно усыновляется. При выходѣ въ замужество питомкамъ дается приданаго 50 рублей. Работа въ городскихъ мастерскихъ, фабрикахъ и заводахъ имъ воспрещена. Но онѣ могутъ, при желанiи, вновь вступить въ Воспитательный домъ, уже въ качествѣ служащихъ. При совершеннолѣтiи также выдается небольшая денежная сумма. Если родители достигаютъ такого матерiальнаго обезпеченiя, что уже не считаютъ ребенка Божьимъ наказанiемъ, то они во всякое время могутъ взять ребенка обратно. Содержанiе Воспитательнаго дома обходится въ 1½ миллiона ежегодно; конечно, правительственной субсидiи не хватаетъ, и на помощь учрежденiю приходитъ широкая московская благотворительность.

Животныя—помощники людей.

Еще древнiе греки и римляне видѣли въ нѣкоторыхъ дикихъ звѣряхъ не враговъ своихъ, а помощниковъ: такъ, слонъ слылъ проводникомъ заблудившемуся путнику, а шакалъ, по словамъ одного писателя той эпохи, всегда выказывалъ дружественное расположенiе къ человѣку и даже защищалъ его отъ нападенiя другихъ животныхъ. Конечно, здѣсь есть большая доля преувеличенiя, но нѣчто подобное можно прочесть въ одномъ современномъ серьезномъ журналѣ объ американскомъ львѣ, или пумѣ. Сохранилось преданiе о томъ, будто бегемоту мы обязаны искусствомъ кровопусканiя, которое еще недавно было такъ популярно въ нашемъ отечествѣ. Дѣйствительно, бегемотъ, насытившись до-отвалу, лѣзетъ на берегъ, разыскавъ тамъ недавне срѣзанный острый тростникъ, втыкаетъ его себѣ въ тѣло и, вскрывъ себѣ жилу, выпускаетъ столько крови, сколько нужно для облегченiя его слишкомъ здороваго организма. Рану онъ замазываетъ себѣ иломъ. Древнiе передали намъ легенды о той помощи, какую оказывали людямъ дельфины; таково, между прочимъ, сказанiе объ Арiонѣ. Естествоиспытатели нашего времени относятся къ этимъ преданiямъ сомнительно, но нельзя отрицать того, что дельфины очень расположены къ людямъ. Въ тихую погоду на морѣ за судномъ слѣдуетъ обыкновенно цѣлый отрядъ дельфиновъ: они вытягиваются въ длинныя шеренги и, довольно правильно соблюдая промежутки, веселымъ кувырканiемъ развлекаютъ моряковъ; при этомъ между ними наблюдается какъ бы состязанiе. Иные едва показываютъ изъ воды свою блестящую чешую, другiе выскакиваютъ вертикально изъ моря, и затѣмъ опрокинувшись летятъ обратно въ волны, третьи ухитряются продѣлать въ воздухѣ сальто-мортале, и все это съ явнымъ выраженiемъ добродушiя и благожелательности. Чѣмъ быстрѣе движется судно, тѣмъ проворнѣй и дельфины, они не отстаютъ отъ него ни на шагъ.

Такимъ образомъ, древнiе миѳы о животныхъ-помощникахъ заключаютъ въ себѣ долю правды. Въ заросляхъ тропическаго лѣса человѣкъ никогда бы не сумѣлъ пробить себѣ дорогу безъ помощи бегемотовъ, носороговъ и кафрскихъ буйволовъ, которые своими огромными тѣлами буравятъ цѣлыя туннели. Въ африканскихъ охотничьихъ очеркахъ Висманъ разсказываетъ такого рода эпизодъ: „Среди бѣла дня я присталъ къ болотистому берегу озера Нiассы; твердая земля лежала сравнительно высоко и далеко отъ воды. Мнѣ никогда не удалось бы достигнуть ея, если бы не гиппопотамъ, продѣлавшiй довольно широкiй ходъ среди огромныхъ болотистыхъ растенiй, цѣпкiя вѣтви которыхъ казались мнѣ настоящей крѣпостью. По такому проходу я и сталъ подвигаться; вода доходила мнѣ до пояса. Вдругъ въ десяти шагахъ я увидѣлъ передъ собой бегемота, мое появленiе, очевидно, изумило его; стрѣлять я не рѣшился, такъ какъ это было бы слишкомъ рискованно, о бѣгствѣ нечего было и думать. Понадѣявшись на счастливый случай, я сорвалъ съ себя плащъ и сталъ имъ размахивать передъ бегемотомъ, стараясь въ то же время напугать его и крикомъ. Мой разсчетъ удался: пыхтя подобно паровозу, толстокожее животное шарахнулось въ сторону и ушло въ заросли, пробивая себѣ новую дорогу“.

Какъ мы уже говорили, слонъ служитъ отличнымъ проводникомъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ. До сихъ поръ никому не удалось разгадать, чѣмъ руководится слонъ, когда въ горахъ онъ выбираетъ однѣ тропинки, предпочтительно передъ другими и переваливаетъ черезъ хребты, дѣйствительно, самыми удобными путями. По словамъ Брема, инженеры наши должны удивляться тому строгому разсчету, который обнаруживаетъ слонъ во время горныхъ путешествiй; то же самое подтверждаютъ и другiе естествоиспытатели, отмѣчая удивительную способность слоновъ запоминать направленiе путей и открывать лазейки, совершенно недоступныя людямъ и другимъ животнымъ, какъ напр. лошадямъ.

Въ новѣйшей исторiи сохранилось преданiе, имѣющее прямое отношенiя къ затронутому нами вопросу. Если вѣрить ему, городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ обязанъ своимъ названiемъ тому обстоятельству, что самка оленя указала франкамъ бродъ (по-нѣмецки „Фуртъ“) черезъ рѣку Майнъ.

Интересно наблюдать также дикихъ животныхъ, какъ проводниковъ по льду. У одного изъ античныхъ писателей мы находимъ указанiе на то, что во Ѳракiи, лисы, несмотря на ихъ вредоносность, пользовались, однако, извѣстнымъ уваженiемъ: онѣ всегда безошибочно угадывали достаточно ли крѣпокъ ледъ, прикладываясь къ нему ухомъ; и если рѣшались идти по льду, то люди ужъ могли считать себя обезпеченными отъ всякой случайности.

Современные зоологи замѣчаютъ по этому поводу слѣдующее: каждую зиму можно наблюдать, какъ лисы, зайцы, лоси и олени переходятъ замерзшiя рѣки и озера только тогда, когда убѣдятся въ прочности льда, и такъ какъ онѣ не ошибаются, хотя бы вода стояла сверху, то очевидно слухъ тутъ ни причемъ; если же ледъ покрытъ снѣгомъ, то и въ этомъ случаѣ инстинктъ животныхъ безошибоченъ, а между тѣмъ на снѣгу нельзя замѣтить отпечатка ни ушей, ни копытъ, которыми въ иныхъ случаяхъ домашнiя животныя испытываютъ свой путь. Остается предположить, что секретъ здѣсь въ чутьѣ, развитомъ до наивысшей степени.

Чрезвычайную сообразительность выказываютъ дикiе звѣри въ отысканiи воды: въ австралiйскихъ и африканскихъ пустыняхъ путешественники подвергались бы нерѣдко тяжкимъ испытанiямъ, если бы не полетъ птицъ, съ неизмѣнной точностью указывавшiй имъ мѣстонахожденiе источника. Морякамъ птицы очень часто возвѣщаютъ близость берега, спрятаннаго еще въ туманѣ. Смѣлые мореходы, викинги, не знали компаса, но по крику воронъ угадывали правильный курсъ къ берегу. Точно также нѣкоторые виды рыбъ облегчаютъ распознаванiе мѣста въ морѣ, а иныя получили нарицательное имя, напр. рыба—лоцманъ.

Въ тропическихъ странахъ обязанности санитаровъ издавна несутъ на себѣ коршуны, гiены, шакалы и дикiя собаки. Своей быстрой работой онѣ очищаютъ мѣстность отъ разлагающихся труповъ и предупреждаютъ тѣмъ развитiе заразныхъ болѣзней. На сѣверѣ такую же работу продѣлываютъ дикiе кабаны.

Важныя услуги охотникамъ оказываютъ обезьяны. По ихъ крикамъ можно всегда догадаться, въ какую сторону направился поднятый изъ берлоги звѣрь. Муравьиныя кучи служатъ прикрытiемъ для стрѣлковъ, а иногда и пекарней. Рыбакамъ киты и морскiя птицы подаютъ вѣсть о приближенiи сельдей. Есть птицы, которыя помогаютъ человѣку отыскивать медъ и вообще сладкое, это нектарницы или медососы. Бремъ говорилъ слѣдующее: „когда морокъ или медососъ завидитъ человѣка, онъ садится невдалекѣ на дорогу, бьетъ крылами, поетъ и старается всячески обратить вниманiе на себя и привлечь къ пчелиному улью. И если человѣкъ поддается на эту мимику, птица весело перепархиваетъ съ дерева на дерево и дѣйствительно приводитъ къ улью“. Абиссинцы, завладѣвъ ульемъ, никогда не забываютъ удѣлить добрую часть меду своимъ добровольнымъ помощникамъ. Замѣтимъ въ заключенiе, что по карканiю воронъ и по землянымъ работамъ лисы очень часто удается находить трупы и тѣмъ раскрывать загадочныя преступленiя.

Мистеръ Морганъ.

Имя Моргана, учредителя величественнаго пароходнаго треста, повторялось слишкомъ часто въ послѣднее время, чтобы личность этого американца не представляла значительнаго интереса и для русскаго читателя, хотя трестъ для насъ имѣетъ пока только теоретическое значенiе, какъ извѣстнаго рода memento mori. Мимолетное знакомство съ Морганомъ не можетъ произвести особенно благопрiятнаго впечатлѣнiя. Миллiардеръ очень некрасивъ носъ у него даже уродливъ; правда, ясный, умный взглядъ нѣсколько искупаетъ этотъ недостатокъ. Инымъ человѣкомъ явится Морганъ тому, кому удастся его изучить. Въ немъ нѣтъ мизантропiи, столь свойственной владѣльцамъ огромныхъ богатствъ. Въ обхожденiи съ людьми, онъ доступенъ и

милъ. Трудовая жизнь не заглушила въ немъ извѣстной сердечности и англо-саксонскаго юмора. Изрядный сибаритъ, онъ порою судитъ ближняго по его „виноспособности“. Но ему не чужды и иныя радости бытія, и все его занимаетъ. Морганъ собираетъ коллекцію картинъ, монетъ, рукописей, книгъ, фарфора. Тогда какъ другіе американскіе набобы ничего не смыслятъ въ искусствѣ и содержатъ спеціальныхъ „ремонтеровъ“ по художественной части, Морганъ самъ выбираетъ рѣдкости для своего музея и не ради одного тщеславія; какъ истый коллекціонеръ, онъ любитъ похвастать передъ друзьями, что „поддѣлъ“ такого-то антикварія, купивъ за безцѣнокъ какой-нибудь шедевръ. Милліардеръ и меценатъ причудливо сочетаются въ Морганѣ: онъ увлекается Вальтеръ - Скоттомъ, но произведеніе этого писателя, прочитанное въ рукописи, доставило бы Моргану двойное наслажденіе.

Среди промышленнаго міра Морганъ—неограниченный повелитель; онъ обязанъ этимъ не столько своимъ милліонамъ, сколько способностямъ. Въ своей средѣ американскіе богачи отзываются на клички: „Джемсъ“, „Джоржъ“, „Чарльэ“. Моргана зовутъ всегда „мистеромъ“. Этотъ мистеръ не тоскуетъ по аристократизму, и его жизненному опыту импонируетъ прежде всего не родъ, а личность того, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Пьерпонтъ Морганъ родился въ 1837 г. въ Гартфердѣ, въ штатѣ Конектикутъ. Его нельзя назвать такимъ „selfmademan“, какъ Карнеджи и Рокфеллера; онъ получилъ довольно солидное образованіе. Отецъ нынѣшняго короля трестовъ имѣлъ очень скромную банкирскую контору. Морганъ посѣщалъ американскую школу, а по ея окончаніи поѣхалъ въ Европу и сталъ студентомъ Геттингенскаго университета. Ничто не предвѣщало того, что изъ него выйдетъ. Среди странствій его застало извѣстіе о смерти отца. Морганъ воротился на родину и занялъ мѣсто „комми“ въ торговомъ домѣ. До 35 лѣтъ онъ работалъ съ такимъ напряженіемъ силъ, что когда нѣкто Дрексель предложилъ ему войти участникомъ въ его, Дрекселя, банковое дѣло, Морганъ отказался, ссылаясь на то, что онъ уже „готовъ“ и протянетъ, вѣроятно, не долго. Однако, банкиръ настоялъ на своемъ и во время обѣда въ клубѣ они заключили товарищескій договоръ, изложивъ его на оборотѣ меню. Это меню Морганъ сохраняетъ, какъ святыню.

Милліардеру теперь 65 лѣтъ, и онъ работаетъ съ неутомимостью молодого человѣка. Утро проводитъ дома, знакомясь съ срочными дѣлами и принимая тѣхъ, кого удобнѣе видѣть съ глазу на глазъ. Въ 11 онъ отправляется въ контору; но сидитъ тамъ въ общемъ помѣщеніи среди служащихъ. Впрочемъ, въ занятія онъ мало вмѣшивается, отдѣлываясь односложными словами. Тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ нужнымъ все видѣть и слышать. Къ вечеру Морганъ на полчаса завернетъ въ клубъ сыграть партію „bridge“, а оттуда домой, чтобы насладиться вкуснымъ обѣдомъ. Работа Моргана внутренняя: онъ ни на минуту не отрывается отъ безконечной вереницы дѣловыхъ соображеній, которыя и высказываетъ другимъ только тогда, когда они выльются въ совершенно законченную форму.

Какъ и всѣ практики, Морганъ придаетъ большое значеніе личному впечатлѣнію, которое, впрочемъ, провѣряется потомъ и строго математическимъ разсчетомъ. Именно такимъ путемъ онъ дошелъ до мысли о трестѣ. Пріобрѣвъ нѣсколько желѣзнодорожныхъ линій, оканчивающихся въ Бостонѣ, Морганъ поинтересовался тѣмъ, какимъ способомъ транзитъ идетъ дальше. Оказалось, что изъ Бостона въ недѣлю отходятъ въ Ливерпуль три парохода конкурирующихъ обществъ; при этомъ отходъ двухъ изъ нихъ совпадаетъ. Вмѣсто 30,000 тоннъ, которыя могли бы перевозить три парохода, они грузятъ въ Бостонѣ лишь 15.000 тоннъ. Слѣдовательно, восемьдесятъ рейсовъ въ году совершались порожнемъ. Такая непроизводительная затрата денегъ возмутила Моргана; онъ рѣшилъ пріобрѣсти торговый флотъ, и, какъ мы знаемъ теперь, сумѣлъ осуществить задуманное.

Будущность Мартиники.

Будущность Мартиники, недавно такъ сильно пострадавшей отъ катастрофы, представляется въ настоящее время не въ такомъ печальномъ видѣ, какъ этого можно было ожидать. Какъ сообщаетъ газета „Temps“, экономическое благосостояніе острова можетъ быть возстановлено черезъ нѣсколько лѣтъ, такъ какъ значительная часть богатствъ Мартиники осталась нетронутой. Непоправимый вредъ нанесенъ лишь десятой части острова, и если бы въ нее не входилъ городъ Сентъ-Пьеръ съ его окрестностями, то матеріальные убытки, причиненные вулканомъ, были бы ничтожны. По сдѣланному теперь подсчету оказывается, что убытки на Мартиникѣ достигаютъ ста милліоновъ франковъ. Часть этой суммы покрывается поступившими пожертвованіями, вспомоществов ніемъ, которое несомнѣнно будетъ назначено палатой депутатовъ, а также ежегодной субсидіей метрополіи. Другая часть должна считаться безусловно потерянной, такъ какъ при уплатѣ вознагражденій будутъ оставлены безъ вниманія претензіи болѣе или менѣе отдаленныхъ родственниковъ, погибшихъ на Мартиникѣ. Благодаря быстро организованной помощи, бѣдствіе можетъ считаться вполнѣ поправимымъ, такъ какъ экономическіе источники острова остались незатронутыми. Въ самомъ дѣлѣ, главнѣйшіе сахарные заводы острова, за исключеніемъ двухъ, уцѣлѣли, точно такъ-же, какъ и лучшіе участки земли, на которыхъ воздѣлывался сахарный тростникъ; въ общемъ 80 процентовъ общаго количества сахарнаго производства Мартиники оказалось внѣ той полосы, которая пострадала отъ изверженія. Совершенно уничтожены лежавшія по близости отъ склоновъ Лысой горы поля, на которыхъ возникла не такъ давно культура какао. Но эта отрасль сельскаго хозяйства на островѣ была еще въ зачаточномъ состояніи; для культуры какао на Мартиникѣ найдется очень много пригодныхъ участковъ земли. Оба кубовыхъ завода, на которыхъ приготовлялась краска индиго, остались неповрежденными. Изъ заводовъ, изготовлявшихъ „тафію“, сахарную водку, были разрушены лишь тѣ, которые находились въ Сентъ-Пьерѣ; но такъ какъ всѣ остальные заводы изготовляли большую часть всей тафіи, вывозимой съ острова, то въ очень непродолжительномъ времени они усиленнымъ производствомъ дойдутъ до прежней нормы.

Такимъ образомъ, послѣ страшной катастрофы, разразившейся надъ Мартиникой, ея экономическое положеніе можетъ быть признано довольно удовлетворительнымъ и есть основаніе надѣяться, что въ будущности ея гибель Сентъ-Пьера и его окрестностей не отзовется.

Невознаградимой потерей остаются, конечно, тѣ тысячи человѣческихъ жизней, которыя погибли во время ужасной катастрофы.

Школа для извозчиковъ.

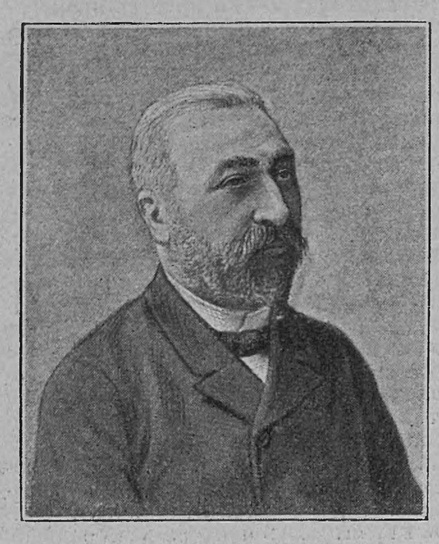
Уличное движеніе въ Парижѣ, какъ не трудно себѣ представить, очень велико, въ особенности отъ 3 до 7 часовъ дня, въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ кишитъ промышленная и торговая жизнь. На скрещеніяхъ улицъ скопляются иногда сотни экипажей, дожидаясь знака, который подастъ имъ полисменъ своимъ бѣлымъ „маршальскимъ жезломъ“. Шумъ колесъ и громыханіе тяжелыхъ экипажей оглушаетъ пѣшеходовъ, и утихаетъ лишь поздно вечеромъ. Сообщеніе въ Парижѣ поддерживается частными экипажами, легковыми и грузовыми, автомобилями, гостиничными каретами, а затѣмъ омнибусами, конкой, паровымъ и электрическимъ трамваемъ, и, наконецъ, чудной подземной элетрической дорогой (метрополитенъ); послѣдняя обслуживаетъ, впрочемъ, только нѣкоторыя части города. Но, кромѣ того, существуетъ еще шестнадцать тысячъ фіакровъ, которые ежедневно разъѣзжаютъ по улицамъ Парижа. Лѣтомъ это фаэтоны въ одну лошадь, а зимою—закрытыя каретки. Шестнадцать тысячъ фіакровъ, но извозчиковъ, вѣроятно, въ полтора раза больше, такъ какъ во всякое время года тысячи находятся не у дѣлъ. Съ другой стороны, извозчичья ѣзда по Парижу трудъ далеко не легкій, если принять во вниманіе огромное протяженіе города, безчисленность улицъ, названіе которыхъ долженъ помнить кучеръ, и то искусство, какое ему необходимо, чтобы ни прохожіе, ни экипажъ, ни лошадь не пострадали среди уличной сутолоки.

Больше десяти лѣтъ, нѣкто Пернетъ, содержитъ на высотахъ Монмартра школу, гдѣ проходится курсъ извозчичьяго ремесла. Самъ Пернетъ выросъ въ кучерской семьѣ, практически изучилъ ремесло до тонкости, а Парижъ—до мельчайшихъ его закоулковъ. Чѣмъ больше разросталась столица и чѣмъ строже становились полицейскія предписанія, тѣмъ нужнѣй оказывалось такое учебное заведеніе, какое открылъ Пернетъ при помощи двухъ взрослыхъ сыновей.

Ученики Пернета наставляются на путь истины посредствомъ устнаго, т. е. теоретическаго и практическаго преподаванія. На первыхъ порахъ они изучаютъ названія участковъ, улицъ, бульваровъ, предмѣстій, гостиницъ, театровъ, министерствъ, банковъ, увеселительныхъ заведеній, большихъ базаровъ, крупныхъ магазиновъ, концертныхъ залъ, собраній, музеевъ, памятниковъ, вокзаловъ, мостовъ, больницъ, полицейскихъ бюро и много еще другого въ томъ же родѣ. Затѣмъ они знакомятся съ полицейскими правилами, въ которыхъ опредѣлена такса, порядокъ и скорость ѣзды (не больше восьми километровъ въ часъ); далѣе Пернетъ вводитъ своихъ учениковъ въ область ветеринаріи настолько, чтобы они умѣли подать помощь лошади при несчастныхъ случаяхъ. Одновременно съ этимъ преподается и практика ѣзды и въ теченіе мѣсяца молодой человѣкъ, хотя бы никогда, не державшій возжей, пріобрѣтаетъ всѣ необходимыя познанія. Это стоитъ всего сорокъ франковъ. Съ 1890 года школа Пернета выпустила болѣе пяти тысячъ кучеровъ.

Окончившій школу держитъ экзаменъ въ комиссіи путей сообщенія при полицейской префектурѣ и надо замѣтить, что дипломъ выдается послѣ всесторонняго и очень строгаго испытанія. Въ дипломѣ, который кучеръ долженъ всегда имѣть при себѣ, обозначается имя и фамилія, мѣсторожденіе, возрастъ и адресъ владѣльца его.

Изъ шестнадцати тысячъ фіакровъ три тысячи принадлежатъ „Compagnie Générale“, а двѣ тысячи обществу „Урбэнъ“, остальные—частнымъ предпринимателямъ. Дневной заработокъ извозчика колеблется между 25—28 франками (9—10 рублей) изъ нихъ 15 — 17 франковъ поступаютъ въ пользу хозяина, въ томъ числѣ и 50 сантимовъ „contravention“ т. е. штрафныхъ денегъ, которыя

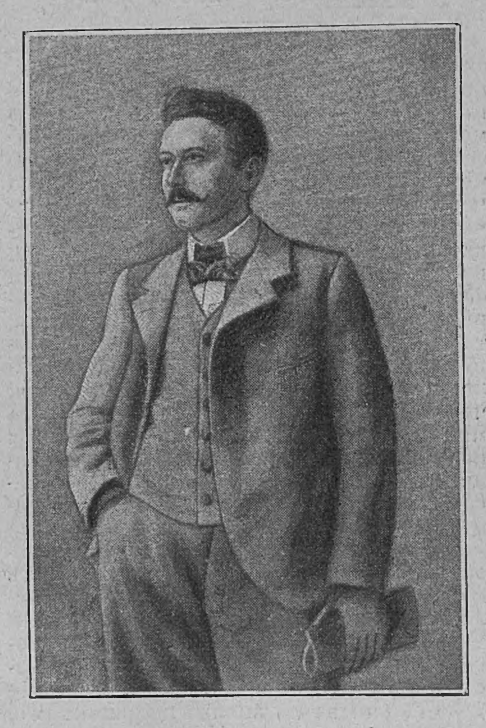

Сенаторъ Комбъ,
новый французскій министръ-президентъ.

начисляются на тотъ случай, если кучеръ подвергнется взысканію со стороны полиціи за какую-нибудь оплошность. Въ общественномъ мнѣніи парижскіе кучера пользуются репутаціей людей, если не всегда привѣтливыхъ, то во всякомъ случаѣ честныхъ. Сплошь-да-рядомъ приходится читать, что въ полицію заявляются найденные въ фіакрахъ кошельки и портфели, съ очень значительными суммами. Надо добавить, что Пернетъ является въ то же время и публицистомъ, такъ какъ издаетъ газету „La voie publique" (Общественное сообщеніе), въ которой обсуждаетъ вопросы, интересные для почтеннаго сословія парижскихъ извозчиковъ.

Истерія у дѣтей.

Не слишкомъ внимательные къ дѣтямъ родители нерѣдко пренебрегаютъ такими нормальными явленіями психики малолѣтнихъ, какія требовали бы леченія, а не карательныхъ мѣръ за „капризы". Между прочимъ, въ нашъ нервный вѣкъ сильно развивается истерія у дѣтей, симптомы которой еще не слишкомъ разработаны. Поэтому, даже единичные случаи заслуживаютъ вниманія. Въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ мы читаемъ о такомъ случаѣ: мальчикъ, школьнаго возраста, (9 лѣтъ) жаловался на то, что онъ разучился писать; при осмотрѣ его врачемъ оказалось, что шестью днями раньше у больного показалась сильная рвота и имъ овладѣла слабость. Поводомъ къ заболѣванію послужило то обстоятельство, что мать заставила его съѣсть супъ. На слѣдующій день послѣ этого случая ребенокъ не могъ ходить. Впрочемъ, это послѣднее болѣзненное явленіе вскорѣ исчезло и мальчикъ отправился въ школу. Но тутъ обнаружилось, что у него совершенно измѣнился почеркъ: вмѣсто прежняго ровнаго закругленнаго письма, больной ставилъ какія-то каракульки, чередуя ихъ съ кляксами; подозрѣвать притворство не было никакого основанія, и врачъ опредѣлилъ эту болѣзнь, какъ истерическій припадокъ. Больному было сдѣлано внушеніе въ томъ смыслѣ, что леченіе поведетъ къ полному возстановленію его почерка. А затѣмъ мальчикъ подвергся двукратному электризированію и дѣйствительно наступило выздоровленіе.

Морисъ Метерлинкъ,
извѣстный французскій поэтъ-декадентъ.
(Къ статьѣ „Монна Ванна" на стр. 169.)

Памятникъ Альфонсу Додэ,
на-дняхъ открытый въ Парижѣ.

Воздушные змѣи.

(Къ опытамъ съ воздушными змѣями въ С.-Петербургѣ).

Еще недавно змѣи казались простой игрушкой, годной только для забавы дѣтей. Теперь они несутъ дѣйствительную службу въ различныхъ отрасляхъ прикладныхъ наукъ. Прежде всего, змѣи служатъ метеорологіи. Поднявшись на значительную вышину (въ 1894 г. — maximum равнялся 631 метрамъ, въ 1900—4,815 метрамъ, т. е. высотѣ Монъ-Блана), змѣи производятъ всѣ необходимыя измѣренія при помощи автоматическихъ барометровъ, гидрометровъ, градусниковъ и проч. Надо замѣтить, что одинъ змѣй данной величины можетъ подняться только на опредѣленную вышину, соотвѣтственно тяжести веревки; но если къ той же веревкѣ прикрѣпить еще одинъ или даже два-три змѣя, то такой „тандэмъ" способенъ взлетѣть очень высоко. Во время послѣднихъ большихъ пробъ со змѣями въ 1900 г., было развернуто до 10 километровъ каната.—Змѣи служатъ также и фотографіи. Снабженные аппаратами съ автоматическимъ затворомъ, они во многихъ случаяхъ замѣняютъ воздушные шары, доставляя очень удачные снимки. Наконецъ, при опасности аваріи близъ берега, возможно, съ помощью змѣя, передать канатъ на сушу, и тѣмъ облегчить спасеніе экипажа и пассажировъ. Наиболѣе усовершенствованный змѣй (американцемъ Гарравомъ), показанъ вмѣстѣ съ другими образцами на нашихъ рисункахъ: этотъ типъ принятъ и въ русской арміи.

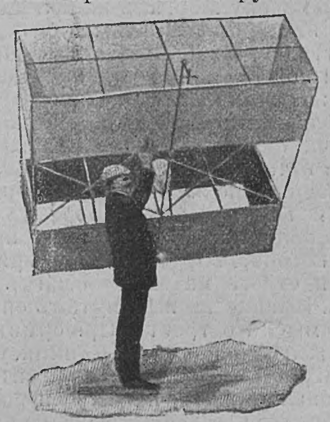
Шестиугольный змѣй русскаго образца.

Змѣй-ящикъ, примѣняемый въ Россіи.

Полукруглый змѣй русскаго образца.

Змѣй Гаррава.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппер.